

Евразийство в зеркале ОГПУ-НКВД-КГБ

*Федор Ашнин
Владимир Алпатов*

Проблема, вынесенная в заголовок статьи, уже не раз в последние годы затрагивалась в нашей печати, однако исключительно в одном плане: использование некоторых ответвлений евразийства советской разведкой. Одни пишут об этом в связи с биографией М. И. Цветаевой, муж которой, как известно, оказался среди этой части евразийцев. Другие приводят соответствующие эпизоды в целях дискредитации евразийства вообще. Но в то же время данная проблема имеет и другие аспекты. Материал для более всестороннего их рассмотрения дает 11-томное следственное дело “Российская национальная партия”, хранящееся под номером “Р-28879” в Центральном архиве ФСБ РФ в Москве (далее в тексте, если имеется в виду это дело, указывается лишь номер тома и листа). В деле содержится и информация о внедрении советской разведки в евразийское движение, но в первую очередь речь идет о том, как его существование использовалось ОГПУ в качестве повода для репрессий в отношении беспартийной интеллигенции. В сильно искаженном виде в деле содержатся также сведения об очень ограниченном, но все же имевшем место проникновении евразийских идей в СССР.

Дело “Российская национальная партия”, иногда еще именуемое в печати “делом славистов”, фабриковалось в 1933–1934 годах Секретно-политическим отделом ОГПУ для поддержания страха в среде беспартийной интеллигенции; для этого в ходе следствия на основе показаний ряда арестованных следователи сочинили версию о том, что будто бы “существовала разветвленная контрреволюционная национал-фашистская организация, именовавшаяся “Российская национальная партия”, ставившая своей целью свержение Советской власти и установление в стране фашистской диктатуры” (т. 10, л. 1).

Федор Дмитриевич Ашнин, пенсионер, г. Москва.

Владимир Михайлович Алпатов, заместитель директора Института востоковедения Российской академии наук, г. Москва.

По основному московскому делу проходили 34 человека, еще более 60 человек были осуждены по параллельным делам в Ленинграде, Харькове, Краснодаре, Смоленске, Ярославле; вся совокупность этих дел должна была свидетельствовать о “разветвленности организации”. Среди пострадавших немало известных ученых и специалистов: академики М. Н. Сперанский и В. Н. Перетц¹, члены-корреспонденты АН СССР Н. Н. Дурново, Г. А. Ильинский, А. М. Селищев, будущие академики В. В. Виноградов и Г. А. Разуваев, а также Н. П. Сычев, П. Д. Барановский, К. В. Квитка, В. Н. Сидоров, Г. А. Бонч-Осмоловский, Ф. И. Шмит, П. И. Нерадовский, Б. Л. Личков и др. Но подключили к делу и рядовых агрономов, инженеров, врачей и просто “бывших”, наличие которых среди осужденных должно было свидетельствовать о “массовости организации”; в частности, в дело включили членов собиравшегося в начале 30-х годов на частных квартирах кружка любителей русской архитектуры во главе с А. В. Григорьевым; этот кружок превратился в “террористическую группу партии”. Среди прочих в дело включили В. С. Трубецкого, брата виднейшего идеолога евразийства Н. С. Трубецкого, его дочь Варвару и жениха Варвары, Андрея Дурново (сына Н. Н. Дурново)².

Фабрикация дела началась с сентября 1933 года, но до декабря в его материалах нет речи о евразийстве; на этом этапе арестованные, давая показания об участии в “контрреволюционной организации” (название “Российская национальная партия” тогда еще изобретено не было), не говорили ничего определенного о зарубежных связях. Новый поворот в сочинении дела начался с 21 декабря после допроса некоего Михаила Наумовича Скачкова. Отметим, что этот допрос, так же как позднее допросы А. Н. Дурново, вел заместитель начальника Секретно-политического отдела ОГПУ Г. С. Люшков, им же визировано обвинительное заключение. По-видимому, это был наиболее высокий по рангу из сотрудников ОГПУ, непосредственно занимавшихся данным делом, и его роль в нем была значительной. Нельзя здесь не вспомнить об иронии истории: сотрудники ОГПУ неожиданно оказались правы, заявляя о том, что в деле участвовали “террористы”, связанные с “заграничными интервенционистскими кругами”. Только искали их не там: 13 июня 1938 года Г. С. Люшков, к тому времени начальник Управления НКВД по Дальневосточному краю, перешел границу и сдался японцам. Затем, если верить книге японского журналиста Ё. Хияма “Планы покушения на Сталина”, он передал японской стороне важные секреты о вооружении и агентурной сети на Дальнем Востоке, после чего возглавил группу из русских эмигрантов, пытавшуюся в начале 1939 года совершить покушение на Сталина. Эта попытка не удалась, а сам Люшков был уничтожен своими новыми хозяевами в дни капитуляции Японии в 1945 году³.

М. Н. Скачков, арестованный незадолго до декабря 1933 года, проходил по другому делу, но его показания были активно использованы в деле “Российская национальная партия”. В прошлом белогвардейский офицер, он в 20-е годы жил в Чехословакии, затем вернулся на родину. Видимо, он был связан с советской разведкой. В Чехословакии он познакомился с Н. Н. Дурново, который жил там в 1924—1928 годах. Скачков на следствии заявил: “Уже тогда мне стали ясны резко антисоветские позиции Дурново. Он обратил на себя внимание тем, что ел демонстративно где только возможно белый хлеб, ссылаясь на голод в Советской России и на тяжелое положение в ней ученых... В 1933 году в марте месяце я возобновил в Москве знакомство с Дурново Н. Н., а через него познакомился с его сыном Андреем, ярким националистом, резко антисоветски настроенным человеком. С ним я поддерживал контакты в проводимой мною контрреволюционной работе” (т. 4, л. 151—152). Из допроса и других материалов дела видно, что А. Дурново на свою и отца беду был излишне разговорчив со Скачковым, ввел его в круг своих друзей и рассказал, кроме всего прочего, о своем увлечении евразийством. Скачков назвал следователям ряд фамилий людей, составлявших окружение обоих Дурново. Большинство из них потом арестовали.

Для начала надо было арестовать отца и сына Дурново, что и осуществили в ночь на 28 декабря. Люшков и его подчиненные довольно быстро выбили у них нужные показания. Н. Н. Дурново затем стал центральной фигурой в фабрикуемом деле, дальнейшие аресты в январе-феврале 1934 года производились почти исключительно по признаку знакомства с ним или с его сыном.

Лишь с привлечением к делу Н. Н. Дурново стало возможным использовать наряду с другими пунктами 58-й статьи Уголовного кодекса РСФСР и пункт 58/4 — “связь с закордоном”. В Праге ученый постоянно общался с “самым талантливым из учеников”, как он сам говорил, выдающимся лингвистом и литературоведом Р. О. Якобсоном, жившим там постоянно; Якобсон как мог помогал учителю, которому так и не удалось устроиться в Чехословакии (это послужило причиной возвращения Н. Н. Дурново в СССР наряду с тем, что к нему не отпустили семью). Якобсон связал Н. Н. Дурново со своим старшим другом Н. С. Трубецким, жившим в Вене; между Дурново и Трубецким, ранее малознакомыми, установились хорошие научные и человеческие контакты, несколько раз они встречались в Праге, Брно и Вене. Обо всем этом свидетельствуют не только показания арестованного Н. Н. Дурново, включая наиболее искреннюю его “Исповедь”, речь о которой ниже, но и упоминания о Дурново в изданной переписке Трубецкого с Якобсоном⁴ и изданные недавно в США письма Якобсона и Трубецкого к Дурново⁵. Вполне достоверно и то, что в

1931 году Якобсон посылал Н. Н. Дурново уже в Москву деньги и письмо через сотрудника чехословацкой миссии в Москве Ванека.

Однако в материалах следствия все эти реальные факты получили фантастическую интерпретацию, подкрепленную выбитыми у Н. Н. Дурново “признаниями”. В обвинительном заключении “вина” ученого формулировалась, в частности, так: “Был связан с руководителями русско-национал-фашистского центра за границей — князем Трубецким Н. С. и Якобсоном, от которых получал директивные указания по работе националистических организаций в СССР... Поддерживал связь с Чехословацкой миссией в Москве и через нее осуществлял связи с Якобсоном, информируя его о политическом положении в Советском Союзе” (т. 10, л. 16–17).

Среди других пунктов обвинения есть и такой: “За время своего приезда из заграницы привез полученную им от Трубецкого Н. С. нелегальную евразийскую литературу, в частности сборник Трубецкого “К проблеме русского самопознания”. Распространял и популяризировал этот сборник среди участников организации и лиц, намеченных в вербовке” (т. 10, л. 16).

Если отвлечься от слов “организация” и “вербовка”, то этот пункт обвинения в отличие от некоторых других соответствовал реальности: три изданные за рубежом книги Н. С. Трубецкого, в том числе его главный евразийский труд “К проблеме русского самопознания”, были изъяты при обыске в квартире Н. Н. Дурново и приобщены к делу как “вещественные доказательства”. Жена В. В. Виноградова спустя более чем полвека вспоминала, как ей удалось уничтожить подаренную Н. Н. Дурново книгу Н. С. Трубецкого, не замеченную при обыске⁶. Н. Н. Дурново привез на родину книги и оттиски, подаренные ему Трубецким. О книге “К проблеме русского самопознания” он на одном из допросов говорил: “Привез я ее вpletенной в том специальных статей Трубецкого, чтобы избежать изъятия на границе” (т. 7, л. 384).

Сам Н. Н. Дурново, как мы еще увидим, в целом не принял историко-культурные идеи Н. С. Трубецкого (в отличие от его лингвистических идей). Однако его сын, в Чехословакии не бывавший и лично с Трубецким не знакомый, оказался горячим поклонником идей дяди своей невесты (он на следствии называл ее женой). Этот 23-летний начинающий славист (к сожалению, почти ничего, кроме четырех статей по сербской литературе в “Литературной энциклопедии”, не успевший написать) может быть назван одним из немногих советских евразийцев. Идеи Н. С. Трубецкого он выписывал в записную книжку под названием “Мысли для себя”, также отобранную при обыске. Эта книжка послужила важным материалом для следствия, целые кус-

ки из нее вписывались в показания А. Дурново и других подследственных.

Особенно показателен допрос А. Дурново от 23 января 1934 года, опять проводившийся лично Люшковым вместе с его помощником Каганом. Молодой ученый, если верить протоколу, заявил следующее:

“На основе этих документов (трудов Н. С. Трубецкого. — Ф.А., В.А.) я развивал идею русского национального самосознания, доказывая, что, отталкиваясь только от национального (а не классового), можно подойти к разрешению наших задач. При обсуждении вопроса о национальном начале и национализме мы исходили из положения необходимости восстановления истинного, изолированного, кристаллического национализма, без всякой примеси и влияния извне. Стоял вопрос таким образом, что в основу этого истинного национализма кладется принцип самобытной национальной культуры и нравов. Сохранение этих принципов и истинный национализм на их основе обеспечивало, по нашему мнению, сохранение чистоты славянской расы, ее превосходства и исторического будущего... Рассматривая большевизм как строй, возникший в России только лишь благодаря отсутствию истинного национализма, мы придерживались положения, что развитие большевизма ведет к дальнейшему уничтожению остатков национализма и господству европейских форм общественного развития. С этой точки зрения мы поддерживали тезис Н. С. Трубецкого о том, что “большевизм есть такой же плод двухсотлетнего романо-германского ига, как московская государственность была плодом татарского ига”, и его заключение о большей опасности большевизма для русской нации. Таким образом, эти труды Трубецкого были положены в основу программно-политических установок организации, о которых я давал показания 7/1. Непосредственно возникал вопрос о тактике организации. В основу этой тактики были положены утверждения Трубецкого о том, что “мысль о самобытной национальной культуре должна руководить всеми действиями истинного националиста. Ее он отстаивает, за нее он борется. Все, что может ей способствовать, он должен поддерживать, все, что может ей помешать, он должен устранять” (т. 4, л. 251–252).

Не знаем, что в этом тексте принадлежит А. Дурново, а что Люшкову с Каганом. Но видно, как реальные идеи Н. С. Трубецкого адаптируются применительно к целям следствия. Цитаты из его сочинения приведены верно (ясно, что А. Дурново не мог их цитировать по памяти, они взяты из “Мыслей для себя”). Действительно, Трубецкой писал и о русском самосознании, и об истинном национализме; в принципе верно, хотя и односторонне передана и оценка им большевизма. Но “сохранение чистоты славянской расы” — уже искажение:

Трубецкой как раз подчеркивал евразийский, а не славянский характер России, а к панславизму относился отрицательно, тем более он не был расистом. Однако следствию важно было подчеркнуть “фашистский” характер “организации”. Напомним, что прошел лишь год после прихода фашистов к власти в Германии, до пакта 1939 года было еще далеко. Гитлер, уже разгромивший компартию, оценивался тогда в СССР однозначно отрицательно. Сейчас хорошо известно, что Н. С. Трубецкой не принимал фашизма. Но в деле и он, и Р. О. Якобсон (еврей!) постоянно именуются “фашистами”. А мирные слова Трубецкого о борьбе за национальную культуру и устранении того, что ей мешает, перенесенные в иной контекст, оказывались “основой тактики организации”. Тот же А. Дурново показывал о “подготовке боевых кадров в городе и деревне как базы будущих штурмовых отрядов” (т. 4, л. 242); впрочем, ничего конкретного о таких отрядах сочинить не удалось.

В обвинительном заключении следственная интерпретация евразийства приняла такой вид: “В основу программных установок организации были положены идеи, выдвинутые лидером фашистского движения за границей — князем Н. С. Трубецким.

Сущность их сводилась к следующему.

1) Примат нации над классом. Свержение диктатуры пролетариата и установление национального правительства.

2) Истинный национализм, а отсюда борьба за сохранение самобытной русской культуры, нравов, быта и исторических традиций русского народа.

3) Сохранение религии как силы, способствующей подъему русского национального духа⁷.

4) Превосходство “славянской расы”, а отсюда — пропаганда исключительного исторического будущего славян как единого народа (т. 10, л. 3).

Здесь хорошо видна все та же “двухслойность” подхода к евразийству. Вторая половина первого пункта и четвертый пункт — явная ложь, остальное действительно проповедовалось Н. С. Трубецким, хотя видеть в этом состав преступления могло лишь искаженное сознание тех лет. Уже в 1941 году Сталин будет вынужден явно или неявно заимствовать многое из взглядов Н. С. Трубецкого.

Материалы дела дают некоторую информацию и о том, какую известность имели евразийские идеи среди московской гуманитарной интеллигенции. Вопрос об истинности такой информации, правда, сложен, поскольку в большинстве она содержится в показаниях подследственных, полученных под давлением, иногда в прямом смысле под дулом пистолета. Однако надо учесть, что тогда в ОГПУ работали “профессионалы”, предпочитавшие стопроцентной лжи полуправду

(что мы видели и на примере интерпретации евразийства): вымыслы о “подготовке свержения Советской власти” и “штурмовых отрядах” помещались в контекст реальных встреч, знакомств и разговоров. К тому же частично данная информация подтверждается свидетельствами, появившимися в иных условиях: искренней “Исповедью” Н. Н. Дурново, показаниями, данными уцелевшими при пересмотре дела в 1963–1964 годах, позднейшими воспоминаниями.

Если верить всему этому, то оказывается, что “К проблеме русского самопознания” и другие сочинения евразийцев, несмотря на запреты, были известны кое-кому из московских и ленинградских интеллигентов. Одним из распространителей этих идей был, как уже говорилось, Н. Н. Дурново. Например, крупнейший украинский музыковед К. В. Квитка (муж Леси Украинки) пострадал по этому делу лишь за то, что в конце 1933 года брал у Н. Н. Дурново упомянутую книгу Н. С. Трубецкого. В “Исповеди” Н. Н. Дурново писал: “Эпизод с передачей Квитке книги Трубецкого происходил так, как рассказывал в своих показаниях Квитка. Я сначала не хотел давать ему книги Трубецкого и дал только тогда, когда убедился (пока он, сидя у меня, делал из нее выписки), что его во всей книге интересовал только эпизод о туранских элементах в русской и украинской народной музыке (песне)”⁸. Если верить данным дела, Н. Н. Дурново знакомил с трудами Н. С. Трубецкого также В. В. Виноградова, В. Н. Свиридова, В. С. Трубецкого и, конечно, своего сына. Через самого Н. Н. Дурново или кого-либо из перечисленных выше с ними, как указано в деле, ознакомились и некоторые ученые, избежавшие ареста: Н. К. Гудзий, М. И. Корнеева-Петрулан, Р. И. Аванесов.

Пропагандировал идеи евразийства и Андрей Дурново. В связи с этим попал в дело его знакомый по Книжной палате В. И. Шишов, у которого при аресте были отобраны эмигрантские книги, а также “рукописи с изображением свастики и двуглавым орлом” (т. 1, л. 119). Вокруг Андрея Дурново группировался кружок молодежи из аристократических семей, куда помимо Варвары Трубецкой входили Сергей Голицын (автор известных “Записок уцелевшего”), Ольга Урусова, Алексей Бобринский, Игорь Верховский (сын военного министра Временного правительства) и др. Внедрил в этот кружок и М. Н. Скачков. В компании молодых аристократов обсуждались проблемы евразийства. Следствие поначалу проявило к ней интерес, но потом эта линия ушла в сторону: Верховского и Урусову арестовали, но почему-то выпустили, и в дело они не попали.

Литература, привезенная в 1928 году Н. Н. Дурново, была не единственным источником. М. Н. Сперанский показал о Н. С. Трубецком: “Я с ним не переписывался, но получил от него по почте брошюру “К украинской проблеме” антисоветского содержания. Эта

брошюра отобраана у меня при обыске” (Дело № Р-32149, М. Н. Сперанский, Центральный архив ФСБ РФ, л. 75)⁹. В разных показаниях упомянуто, что книга “К проблеме русского самопознания” имелаась в домашних библиотеках двух виднейших советских языковедов: Д. Н. Ушакова и Л. В. Щербы¹⁰.

Все лица, включенные в дело (кроме покончившего с собой до суда Н. Л. Туницкого и сошедшего с ума В. Г. Шийко), были осуждены Особым совещанием при коллегии ОГПУ к лагерю или ссылке сроком от 3 до 10 лет. М. Н. Сперанский, за которого хлопотал брат, главный кремлевский педиатр, и тяжело больной В. И. Шишов были осуждены условно. Н. Н. Дурново, осужденный по максимуму на 10 лет лагерей, провел последние годы жизни на Соловках. Сохранился интереснейший документ, который можно назвать “Исповедью” Н. Н. Дурново. Это показания, написанные ученым в августе 1934 года в связи с инспекционной поездкой на Соловки Прокурора СССР И. А. Акулова. В них Дурново, в отличие от показаний на следствии, вполне искренен и откровенно говорит о том, что было и чего не было. Документ, хранящийся в учетно-архивном отделе МБ Республики Карелии (дело № П-11764, л. 6—12 отдельной пагинации), уже дважды опубликован¹¹. Мы рассмотрим лишь те его фрагменты, в которых речь идет о евразийстве.

Дурново пересказывает ряд идей Трубецкого, особо выделяя концепцию евразийского единства и противопоставления Евразии Западной Европе, взгляды Трубецкого на государство и избирательную систему, его критику капитализма и социализма. Собственные оценки Дурново скорее негативны. Он пишет: “Я высоко ценю Трубецкого как замечательного талантливого ученого, но его евразийскую теорию полностью не разделяю, а из его политической программы ценю только критическую часть... Многое в этой (евразийской. — Ф.А., В.А.) теории представляется спорным. Политическая программа Трубецкого мне не вполне ясна”¹². “Мое впечатление от Трубецкого, что он только теоретик и в решении политических вопросов больше фантазер и мечтатель, а не практик”¹³. Проектируемая им “партия” вряд ли способна когда-нибудь стать партией. Отчетливо выраженное в его статьях отрицательное отношение к западноевропейским политическим системам и группировкам исключает всякую мысль о возможности соглашения с какими-нибудь европейскими государственными организациями с целью осуществить свою мечту о будущем строе Евразии. А в СССР с его идеями знакомы лишь немногие, но большей частью, если не все, люди политически не активные”¹⁴.

Особенно любопытно следующее место, при оценке которого надо учитывать, что Дурново основывался не столько на чтении книг и статей Трубецкого, сколько на воспоминаниях о разговорах с ним 7—9-

летней давности, поэтому в некоторых случаях он может излагать идеи Трубецкого не вполне адекватно: “В Евразии должна установиться диктатура определенной партии; все дети и юношество будут воспитываться в государственных школах, где в них будет внедряться только одна идеология правящей партии. Наука, литература, искусство должны подчиняться директивам партии, другая идеология не должна допускаться. Но что это за идеология и какая программа партии, я так себе и не выяснил. Совершенно не представляю себе, как Трубецкой решает проблему взаимоотношения классов. О капитализме он отзывается отрицательно, но что противопоставляет одинаково нежелательным для него капитализму и коммунизму, не ясно. Насколько его критика... мне казалась меткой, настолько положительная часть его программы меня не удовлетворила и производила на меня, как на ученого, дорожающего свободой мысли, жуткое впечатление”¹⁵.

“Исповедь” Н. Н. Дурново — едва ли не единственный документ 30-х годов, отражающий отношение к евразийству Н. С. Трубецкого той части отказавшейся от эмиграции русской интеллигенции, которая оставалась на прежних, сформировавшихся до революции либеральных позициях. Не только идеи коммунизма (прямо отвергаемые Дурново в “Исповеди”), но и концепции евразийства были для них слишком левыми и несовместимыми со “свободой мысли”. Судьба таких интеллигентов часто была трагической. Сам Н. Н. Дурново был расстрелян на Соловках 27 октября 1937 года.

В 1937–1938 годах расстреляли 11 человек из осужденных по московскому делу “Российская национальная партия”. Среди них оказались все, кто прямо или косвенно был связан с Н. С. Трубецким: Н. Н. Дурново, А. Н. Дурново, В. С. Трубецкой¹⁶, В. В. Трубецкая. Однако большинство осужденных по делу ученых остались в живых и к концу 30-х годов вернулись к работе. Сказалось, кроме всего прочего, и изменение ситуации в военные и послевоенные годы по сравнению с первой половиной 30-х годов. В частности, славистика из “вредной” науки, какой она была в годы “санитарного кордона”, в эпоху “стран народной демократии” превратилась в актуальную дисциплину. Пострадавшие когда-то слависты перешли в категорию “искупивших вину трудом”. Реабилитация же произошла лишь 26 октября 1964 года.

При подготовке к этой реабилитации КГБ собирал разнообразную информацию о лицах, упомянутых в деле, включая Н. С. Трубецкого и других евразийцев. Были запрошены архивы различных ведомств. Имеющиеся в деле архивные справки и заключения по ним показывают, что в “эпоху” КГБ по сравнению с “эпохой” ОГПУ-НКВД оценки евразийства стали менее фантастическими, исчезли упоминания о Трубецком как “лидере фашистского движения”, посылавшем ди-

рективы в Москву. Общий тон оценок однако остался прежним. Сравнительно с документами 1934 года шире и охват: речь идет не только о Н. С. Трубецком, но о евразийстве в целом. Приведем эти документы с некоторыми сокращениями.

Главное архивное управление при Совете Министров СССР.
Особый архив. 17 марта 1964 г.

Архивная справка

По данным документов французской полиции за 1929—1935 гг., хранящимся в Особом архиве ГАУ при СМ СССР, белоэмигрантская организация “Евразийцы” была основана в Праге в 1921 г. Савицким и Трубецким и существовала на субсидии из Англии.

Основными задачами “евразийцев” было: освобождение СССР от влияния III Интернационала, создание русского национального сознания, освобождение от западной и восточной культуры и распространение славянской культуры.

В 1925 г. (по другим документам в 1926 г.) в Парижском районе в г. Кламар был основан филиал “Евразийцев” под названием “Кламарская группа”. Руководителем филиала был Сувчинский Петр. “Группа” симпатизировала “советскому режиму” в вопросах внутренней политики, но высказывалась против подчинения советского правительства III-му Интернационалу, считала также, что она способна дать такое направление идей, которое будет способствовать созданию русского национального сознания.

Однако малочисленность сторонников и разногласия внутри “Кламарской группы”, не поддержанной славянской колонией г. Парижа и другими белоэмигрантскими организациями, привели к ее распаду к 1929 г.

С ноября 1928 г. “Евразийцы” издавали еженедельную газету “Евразия”, которую французская полиция считала органом коммунистов.

В документе за 1934 г. сказано, что руководители “Евразийцев” знали о связи некоторых членов организации с ГПУ, а также что Савицкий секретно посетил СССР (год не указан)...” (т. 11, л. 254).

Главное архивное управление при Совете Министров СССР.
Особый архив. 17 марта 1964 г.

Архивная справка

...В делах имеются текст проекта декларации евразийской партии (27.04. 1924 г., Женева), брошюра М. Уздовского “Евразиянизм. Новая мысль в русском антикоммунистическом движении” (Варшава, 1928) и донесения польской разведки о движении евразийцев.

Из вышеуказанных документов следует, что движение евразийцев с 1920 г. получило распространение во Франции, Германии, Чехословакии и на Балканах.

Во главе партии было политбюро, члены которого образовывали идейно-практический центр. В 1935 г. во главе стояли П. Н. Савицкий, П. П. Сувчинский, В. П. Сувчинский, Н. Н. Алексеев, А. С. Лурье, П. В. Малевский-Малевич, Л. П. Карсавин, К. А. Чхеидзе.

Евразийцы имели широкие финансовые возможности и издавали ряд периодических и отдельных изданий — ежемесячный журнал “Евразийская хроника”, “Евразийский временник”, книги 1—7 и др.

В 1927 г. в Париже и Праге был организован евразийский семинар.

В 1935 г. в Париже издавался журнал “Наш путь”, ранее называвшийся “Евразия”.

По данным за 1935 г., II отдел Генштаба Польши допускал, что движение инспирировалось ГПУ для раскола русской эмиграции. Так, в 1924 г. под Москвой состоялся I съезд евразийцев, на который легально ездил Савицкий, а в 1927 г. на II съезд, состоявшийся в Москве, ездил Арапов. Другие руководители вели переговоры с советским посольством о денежной субсидии на издательскую деятельность...

Евразийцы считали, что цивилизация Европы и Азии гибнет. Россия в силу своего географического положения должна стать центром новой евразийской культуры, основанной на христианской, православной культуре. Европейская культура чужда русскому народу, она задела лишь верхушку народа, поэтому народ не воспринял идеологии верхов (речь не идет об изобретениях техники и транспорта) и произошел раскол между правящей группой и народом. Этот раскол и явился основным стимулом революции. Народ воспринял Октябрьскую революцию как протест против господствующей культуры, как освобождение от чуждой европейской культуры.

Евразийцы считали, что компартия подлежит устранению, ибо она руководствуется ошибочными и устаревшими положениями марксизма. Только евразийская партия способна осуществить национальное призвание России. При замене власти необходимо сохранить административный и военный аппарат. Сохраняются дореволюционные государственные границы за исключением Польши и Финляндии. Западная Украина и Западная Белоруссия должны войти в состав нового государства, которое будет представлять собой советскую федерацию. Во главе государства должен стать царь, выбранный Земским собором (советы, духовенство и армия).

Евразийцы признавали перемены, происшедшие в бытовых, имущественных, внутренних и международных условиях.

Утверждалось право собственности крестьян на землю, сохранялась национализация крупных промышленных предприятий и транспорта, частная собственность на мелкие предприятия и торговлю, государство контролировало частные банки.

Первенствующая роль отводилась православной церкви.

По данным польской разведки, евразийцы не имели связи с эмигрантскими группами других национальностей России (украинцами, грузинами, армянами и др.).

В 20-х гг. большую роль в евразийском движении играла группа в Праге, о которой в 1935 г. польская разведка не упоминает, отмечая группы в Париже и Брюсселе. Группа в Брюсселе издавала ежемесячный журнал “Евразиец”, сотрудники которого были связаны с антисоветскими кругами в Бельгии. Один из редакционных работников “Евразийца” якобы ранее был резидентом ГПУ в Румынии.

В Париже на авеню Анри-Мартен существовал клуб евразийской молодежи, который, по данным польской разведки, имел связи с группой в Брюсселе и ОГПУ.

Руководство группой евразийцев в Париже в специальном коммюнике заявило, что ни клуб европейской молодежи, ни группа в Брюсселе ничего общего с евразийским движением не имеют” (т. 11, л. 255–257).

Еще в одной архивной справке (февраль 1964 года) имеются сходные данные о евразийстве (без упоминания о связях с ГПУ) и повторяются имеющиеся сведения о Н. С. Трубецком как деятеле евразийского движения. Зафиксировано, что “французской контрразведкой заведена карточка на князя Трубецкого, профессора-лингвиста Пражского университета, члена общества “Евразийцев” (т. 11, л. 412). И еще: “В фонде “Имперский комиссар по наблюдению за общественным порядком, г. Берлин” имеется заметка неизвестного немецкого агента от 21.01.1929 г., в которой говорится о выходе князя

Николая Трубецкого из редакции газеты “Евразия” и из группы “Евразийцы” (т. 11, л. 412).

Отражение евразийства в зеркале КГБ, включающее в себя и точки зрения французской полиции и польской разведки, достаточно искажено. Преувеличено представление о “симпатиях к СССР в вопросах внутренней политики”: достаточно указать на многократную критику этой политики у Н. С. Трубецкого. Видно, как трудно воспринималась собственно евразийская, “туранская” часть концепции Трубецкого и других: французская полиция, как и ОГПУ, смешивала ее с более привычным панславизмом. Но важнее другое: в архивных справках четко говорится о связях евразийцев с ОГПУ, хотя везде со ссылками на чужую информацию.

Итак, ОГПУ, а затем возникший на его основе в том же 1934 году НКВД одновременно использовали евразийцев как своих агентов за рубежом и карали за связи с евразийцами и за хранение и чтение евразийской литературы в своей стране. Никакого парадокса и никакой несогласованности между разными подразделениями ОГПУ-НКВД здесь не было. Учитывалась двойственность и промежуточность позиции самого евразийства, обусловленная его исходными посылами: для Н. С. Трубецкого Октябрь, с одной стороны — попытка России избавиться от “двухсотлетнего романо-германского ига”, что вызывало его симпатию, но с другой стороны — попытка с негодными средствами, поскольку социализм — также западное явление¹⁷. Среди эмигрантских движений и течений евразийцы наряду со сменовеховцами выделялись сравнительно доброжелательным отношением к СССР, резко отличавшимся от непримиримости многих других групп. Поэтому с евразийцами можно было иметь дело, можно было способствовать дальнейшей эволюции их взглядов и использовать их в своих целях, как это произошло с С. Я. Эфроном и др. Но с точки зрения идеологической ситуации внутри СССР, где к тому времени уже было достигнуто полное господство одного учения, признанного “единственно правильным”, евразийство было абсолютно неприемлемо и подлежало искоренению. Впрочем, оно и не получило тогда известности. Интерес к нему появился лишь в наше время, причем известно оно больше не само по себе, а через посредство идей испытывавшего влияние евразийства Л. Н. Гумилева. По все той же иронии истории, пожалуй, популярнее всего оно среди неокommunistов и левых социалистов: когда старые рубежи обороны пришлось сдать, а принять западническую точку зрения означает перейти на сторону противника, евразийство выглядит как некий запасной вариант.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ М. Н. Сперанский и В. Н. Перетц были арестованы позже, в апреле 1934 года, когда другие были уже осуждены. Их дела шли отдельно.

² Подробнее о ходе дела см.: *Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М.* “Дело славистов”: 30-е годы. М., 1994; *они же*: Николай Николаевич Дурново // Известия РАН. Серия литературы и языка, 1993. № 4. См. также более ранние публикации: *Бернштейн С. Б.* Трагическая страница из истории славянской филологии // Советское славяноведение, 1989. № 1; *Горяинов А. Н.* Славяноведы — жертвы репрессий 1920—1940-х годов: некоторые неизвестные страницы из истории советской науки // Советское славяноведение, 1990. № 2; *Робинсон М. А., Петровский Л. П.* Н. Н. Дурново и Н. С. Трубецкой: проблема евразийства в контексте “дела славистов” (по материалам ОГПУ-НКВД) // Славяноведение, 1992. № 4. Следует заметить, что работы С. Б. Бернштейна и А. Н. Горяинова не были основаны на архивных данных и поэтому содержат неточности.

³ О Люшкове см.: *Катунцев В., Кон И.* Инцидент. Подоплека хасанских событий // Родина, 1991. № 6—7; Российская газета, 1993, 24 августа.

⁴ N. S. Trubetskoy's Letters and Notes. The Hague-Paris, 1975.

⁵ *Toman J.* (ed.). Letters of Russian Linguists. Ann Arbor, 1993.

⁶ *Малышева-Виноградова Н. М.* Страницы жизни В. В. Виноградова // Русская речь, 1989. № 4.

⁷ Надо сказать, что религиозные проблемы, занимавшие важное место в концепции Н. С. Трубецкого, следствие почти не интересовали.

⁸ *Робинсон М. А., Петровский Л. Н.* Н. Н. Дурново и Н. С. Трубецкой... С. 81.

⁹ Показаниям М. Н. Сперанского, как и К. В. Квитки, можно доверять более, чем другим, поскольку они не признали себя виновными.

¹⁰ В деле имеется список лиц, материалы о которых решено было “выделить в отдельное производство” (т. 10, л. 36). Большинство из этих 36 человек, кем-либо оговоренных в ходе следствия, арестованы не были. В их числе и упомянутые Д. Н. Ушаков, Н. К. Гудзий, М. И. Корнеева-Петрулан (Л. В. Щербы нет). Отметим также в списке впоследствии арестованного евразийца Д. П. Святополк-Мирского и В. И. Вернадского, имя которого многократно фигурирует в деле, в том числе в связи с Н. С. Трубецким, якобы просившим Н. Н. Дурново завербовать академика.

¹¹ См.: *Робинсон М. А., Петровский Л. Н.* Н. Н. Дурново и Н. С. Трубецкой... С. 77, а также *Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М.* “Дело славистов”: 30-е годы... С. 108—118.

¹² *Робинсон М. А., Петровский Л. Н.* Н. Н. Дурново и Н. С. Трубецкой... С. 79—80.

¹³ Что-то похожее Дурново говорил и на следствии. Но под пером “профессионалов” из ОГПУ в протоколе допроса трансформировано так: “Из бесед с Трубецким я убедился, что он... в решении политических вопросов человек талантливый... Практического опыта у него, однако, не хватало, и в этом отношении более полезен был Якобсон” (т. 4, л. 217).

¹⁴ *Робинсон М. А., Петровский Л. Н.* Н. Н. Дурново и Н. С. Трубецкой... С. 80.

¹⁵ Там же.

¹⁶ В. С. Трубецкой встречался с братом во время своих поездок за границу в 1929 и 1931 годах, предпринятых им для лечения больного сына. В деле есть упоминание и о его знакомстве с евразийством. Однако В. С. Трубецкой, офицер, затем музыкант, был далек от политики и историософии и, по-видимому, равнодушен к идеям брата.

¹⁷ См.: *Трубецкой Н. С.* Наследие Чингисхана (взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока) // Вестник Московского университета. Серия 9. “Филология”, 1991. № 4. С. 67—71.